

Посвящается Дональду Уэстлейку

Автомобиль у меня был, но осенью 1973 года от «Приморского пансиона миссис Шоплоу» в городке Хэвенс-Бэй до парка развлечений «Страна радости» я чаще всего добирался на своих двоих. Мне представлялось, что так правильно. Собственно, иначе и нельзя. В начале сентября пляж практически пустовал, что соответствовало моему тогдашнему настроению. Та осень так и осталась самой прекрасной в моей жизни. Я могу это повторить и сорок лет спустя. И никогда больше я не чувствовал себя таким несчастным. Это я тоже могу повторить. Люди думают, что первая любовь — сплошная романтика и нет ничего романтичнее первого разрыва. Сотни песен сложили о том, как какому-то дураку разбили сердце. Вот только в первый раз сердце разбивается больнее всего, и заживает медленнее, и шрам остается самый заметный. И что в этом романтичного?

В сентябре и начале октября небо над Северной Каролиной оставалось безоблачным, а воздух — теплым даже в семь утра, когда я спускался из своей комнаты на втором этаже по наружной лестнице. Если выходил в легкой куртке, то снимал ее и завязывал на поясе еще до того, как преодолевал половину из трех миль, отделявших город от парка развлечений.

Первую остановку я делал в «Пекарне Бетти», где покупал парочку еще теплых круассанов. Моя тень, длиной добрых двадцать футов, шагала со мной по песку. Полные надежд чайки, учуяв круассаны в пакете из вощенной бумаги, кружили над головой. А когда я возвращался назад, обычно часов в пять (хотя иногда задерживался подольше — никто не ждал меня в Хэвенс-Бэй, городке, который впадал в спячку после завершения летнего сезона), моя тень шагала по воде. Если мое возвращение совпадало с приливом, тень покачивалась на волнах, словно танцевала медленную хулу.

Не уверен на все сто, но, думаю, мальчика, женщину и их собаку я увидел во время моей первой осенней прогулки по пляжу. Между веселой сверкающей мишурой «Страной радости» и городком вдоль берега выстроились летние коттеджи, среди которых было немало дорогих, и после Дня труда почти все они пустовали. Но только не самый большой из них, напоминавший зеленый деревянный замок. Дошатая дорожка вела от широкого заднего двора туда, где трава граничила с мелким белым песком. Заканчивалась дорожка у столика для пикника, стоявшего под ярко-зеленым пляжным зонтом. В его тени в инвалидном кресле сидел мальчик в бейсболке, до пояса укрытый одеялом, хотя и в предвечерние часы температура воздуха превышала семьдесят градусов*. Я полагал, что мальчику лет пять или около того, но никак не больше семи. Собака, джек-рассел-терьер, обычно лежала рядом с креслом или устраивалась у ног мальчика. Женщина на скамье у столика иногда читала

---

* По Фаренгейту; примерно 21 °С. — *Здесь и далее примеч. пер.*

книгу, но чаще просто смотрела на воду. Она была очень красивая.

Направляясь к парку развлечений или возвращаясь домой, я всегда махал им рукой, и мальчик отвечал тем же. Женщина — нет, по крайней мере поначалу. В 1973 году ОПЕК установила нефтяное эмбарго, Ричард Никсон заявил, что он не мошенник, умерли Эдвард Г. Робинсон и Ноэл Коуард. Для Девина Джонса тот год оказался потерянным. Я, девственник двадцати одного года от роду, с литературными устремлениями, мог похвастаться тремя джинсами, четырьмя трусами-плавками, развалюхой «фордом» (с хорошим радиоприемником), мыслями о самоубийстве (иногда) и разбитым сердцем.

Романтично, не правда ли?

Девушку, разбившую мне сердце, звали Уэнди Киган, и она не заслуживала такого, как я. Мне потребовалась большая часть жизни, чтобы прийти к этому выводу, но знаете старую поговорку: лучше поздно, чем никогда. Она приехала из Портсмута, штат Нью-Хэмпшир, я — из Саут-Бервика, штат Мэн. То есть мы практически жили по соседству. И начали «встречаться» (как тогда говорили) сразу после поступления в Университет Нью-Хэмпшира... познакомились на вечере первокурсников... романтично, не правда ли? Как в одной из этих поп-песенок.

Два года мы практически не разлучались, всюду ходили вместе, все делали вместе. То есть все, за исключением «этого». Мы оба совмещали учебу с работой в университете. Она — в библиотеке, я — в столовой. В 1972 году нам предложили поработать и летом, а мы, естественно, ухватились за этот шанс. Платили немного, но возможность не разлучаться до-

рогого стоила. Я полагал, что мы точно так же проведем и лето 1973 года, пока Уэнди не объявила, что ее подруга Рене нашла им обоим работу в бостонском универмаге «Файлинс».

— А как же я? — спросил я.

— Ты всегда сможешь приехать, — ответила Уэнди. — Я буду ужасно по тебе скучать, но знаешь, Дев, нам, пожалуй, надо побыть немного врозь.

И в этой фразе явственно слышался похоронный звон. Мысль эта скорее всего отразилась на моем лице, потому что Уэнди поднялась на цыпочки и поцеловала меня.

— Разлука укрепляет любовь, — заметила она. — И потом, раз у меня будет своя квартира, ты сможешь там оставаться. — Но она не смотрела на меня, когда говорила это, и я ни разу не остался у нее. Слишком много соседок, постоянно повторяла она. Слишком мало времени. Разумеется, эти проблемы можно было решить, но у нас никак не получалось, и я мог бы кое о чем догадаться. Как теперь понимаю — о многом. Несколько раз мы вплотную подходили к «этому», но не более того. В какой-то момент она давала задний ход, а я особенно на нее не давил. Проявлял галантность, Бог свидетель. Потом частенько спрашивал себя, что бы изменилось (к лучшему или худшему), если бы я пер напролом. Теперь-то я точно знаю: галантные молодые люди зачастую остаются без сладкого. Вышейте это крестиком, вставьте в рамочку и повесьте на кухне.

Перспектива еще одно лето мыть полы в кафетерии и загружать грязные тарелки в старые посудомоечные машины не слишком радовала, учитывая, что Уэнди намеревалась любоваться яркими огнями

Бостона в семидесяти милях к югу, но работа гарантировала деньги, которые мне требовались, а других вариантов у меня не было. Однако потом, в конце февраля, такой вариант в прямом смысле прикатил ко мне на ленте конвейера для грязной посуды.

Кто-то читал «Каролина ливинг» за комплексным обедом, который в тот день включал мексиканский бургер и картофель фри «Карамба». Он (или она) оставил журнал на подносе вместе с грязной посудой, а я взял его с конвейера и уже хотел отправить в мусорное ведро, но удержался. Бесплатное чтение, в конце концов, и есть бесплатное чтение. (Не забывайте, я зарабатывал на учебу.) Поэтому я сунул журнал в задний карман и вспомнил про него, лишь вернувшись в комнату в общежитии. Когда я переодевался, он упал на пол и раскрылся на странице объявлений.

Бывший владелец журнала обвел ручкой несколько объявлений в разделе «Требуются...», однако в итоге понял, что все они с изыском — иначе журнал не попал бы в компанию к грязной посуде. Но одно объявление, в самом низу, привлекло мое внимание, хотя и не было обведено. Сначала, конечно, глаз зацепился за первую строку, набранную крупным шрифтом: «РАБОТА РЯДОМ С РАЕМ!» Какой студент-филолог не заглотил бы эту наживку? И какого угрюмого двадцатиоднолетнего парня, снедаемого нарастающим страхом потерять подружку, не привлекла бы идея поработать в «Стране радости»?

В объявлении имелся телефон, и я, подчиняясь внезапному порыву, позвонил, а неделей позже достал из почтовой ячейки в общежитии конверт с бланком заявления о приеме на работу. В сопроводительном письме указывалось, что мне придется выполнять

самые разнообразные поручения, по большей части под открытым небом, в том числе связанные с обслуживанием аттракционов, если я хочу устроиться на полный рабочий день (а я хотел). От меня требовалось прибыть на собеседование, имея при себе водительское удостоверение, срок действия которого еще не истек. Я мог съездить туда на весенних каникулах, вместо того чтобы на неделю вернуться домой в Мэн. Только я собирался хотя бы часть этой недели провести с Уэнди. Мы могли бы даже добраться до «этого».

— Поезжай на собеседование, — без малейшего колебания посоветовала Уэнди, когда я рассказал ей про письмо. — Это будет настоящее приключение.

— Для меня приключение — провести эти дни с тобой, — возразил я.

— У нас будет еще много времени в следующем учебном году. — Она поднялась на мысочки и поцеловала меня (ей всегда приходилось подниматься на мысочки). Встречалась ли она уже тогда с другим парнем? Вероятно, нет, но готов спорить, она положила на него глаз, потому что они вместе занимались в группе углубленного изучения социологии. Рене Сент-Клер была в курсе и, наверное, сказала бы мне об этом, если бы я спросил. Сплетничать Рене обожала, думаю, на исповеди она просто забалтывала святого отца, но есть вещи, знать которые совершенно не хочется. К примеру, почему девушка, которую ты любил всем сердцем, продолжала говорить тебе «нет», но при первой же возможности улеглась в постель с новым парнем. Я не уверен, что кому-нибудь удастся полностью оставить в прошлом первую любовь, и моя рана по-прежнему ноет. В глубине души мне хочется знать, что со мной было не так.

Чего мне не доставало. Сейчас мне за шестьдесят, мои волосы поседели, я перенес рак простаты — но все равно хочу знать, чем не подошел Уэнди Киган.

В Северную Каролину я приехал из Бостона на поезде, который назывался «Южанин» (не приключение, конечно, зато дешево), а потом на автобусе добрался из Уилмингтона до Хэвенс-Бэй. Собеседование проводил Фред Дин: он, помимо других обязанностей, занимался подбором персонала в «Страну радости». После пятнадцати минут вопросов и ответов и коротких взглядов, беглого ознакомления с моим водительским удостоверением и сертификатом спасателя от Красного Креста он протянул мне пластиковый прямоугольник на шнурке со словом «ГОСТЬ», сегодняшней датой и изображением улыбающейся синеглазой немецкой овчарки, отдаленно напоминавшей знаменитого мультяшного сыщика Скуби-Ду.

— Пройдись по территории, — предложил Дин. — Прокатись на «Каролинском колесе», если захочешь. Большинство аттракционов еще не собрано, но этот уже работает. Скажи Лейну, что я разрешил. Я дал тебе пропуск на целый день, но хочу, чтобы ты вернулся... — Он посмотрел на часы. — Скажем, в час дня. Тогда и ответишь, нужна ли тебе эта работа. У меня осталось пять вакансий, но делать надо практически одно и то же: Счастливые помощники.

— Благодарю вас, сэр.

Он с улыбкой кивнул:

— Не знаю, что ты думаешь об этом месте, но мне оно подходит, как никакое другое. Чуть старовато, чуть обшарпано, но полно очарования. Какое-то время я работал в «Диснее». Не понравилось. Слишком... ну, не знаю...

— Слишком корпоративно? — подсказал я.

— Именно. Слишком корпоративно. Слишком все отполировано и сверкающе. Поэтому несколько лет назад я вернулся в «Страну радости». И ни разу об этом не пожалел. Тут дышится свободней... Здесь еще сохранился дух ярмарочного балагана. Давай прогуляйся. Осмотрись, пойми, что ты об этом думаешь. Или — это, пожалуй, важнее, — что тут чувствуешь.

— Можно сначала задать вопрос?

— Разумеется.

Я повертел в руках пропуск.

— Кто эта собака?

Улыбка Фреда стала шире.

— Это Хоуи, Счастливый пес, талисман «Страны радости». Парк развлечений построил Брэдли Истер-брук, и настоящий Хоуи был его собакой. Он давно умер, но ты не раз его увидишь, если согласишься работать здесь летом.

Я действительно увидел Хоуи... и не увидел. Загадка эта не из сложных, однако с объяснением придется немного подождать.

Независимый парк развлечений «Страна радости» размерами уступал любому из парков сети «Шесть флагов» и не шел ни в какое сравнение с «Диснейуорлдом»*, но тем не менее занимал достаточную площадь, чтобы произвести должное впечатление, особенно если выйти на авеню Радости, главную аллею аттракционов, или на Собачий проспект, вторую

---

* «Диснейуорлд» — самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, расположен к юго-западу от города Орландо (штат Флорида, США), был открыт 1 октября 1971 г.

аллею шириной с восьмиполосное шоссе, в тот день практически пустую. Я слышал визг дисковых пил и видел много рабочих: больше всего суетилось около «Шаровой молнии», одной из двух американских горок парка. Но разумеется, ни одного посетителя здесь не было: «Страна радости» открывалась второго июня. Работали несколько продуктовых киосков, где рабочие могли купить что-нибудь на ленч, а перед павильоном, в котором, судя по многочисленным звездам на стенах и фронтоне, предсказывали судьбу, сидела старушка. Она подозрительно посмотрела на меня. Атракционы, за одним исключением, пребывали в полуразобранном состоянии.

Исключение составляло «Каролинское колесо». Его высота была сто семьдесят футов (это я выяснил позже), и оно медленно вращалось. Перед колесом я увидел крепкого, мускулистого парня в линялых джинсах, запачканных машинным маслом потертых замшевых сапогах и майке. Котелок, надетый набекрень, чудом держался на угольно-черных волосах. Из-за уха торчала сигарета без фильтра. Он напоминал ярмарочного зазывалу из старого газетного комикса. Рядом с ним на земле стояли раскрытый ящик с инструментами и коробка от апельсинов, на которой красовался большой транзисторный радиоприемник, распевавший голосами «Фейсис» «Останься со мной». Парень отбивал ногой ритм, сунув руки в задние карманы, его бедра двигались из стороны в сторону. В голове у меня мелькнула мысль, абсурдная, но совершенно четкая: *Когда вырасту, хочу выглядеть, как он.*

Парень кивнул на пропуск.

— Тебя послал Фредди Дин, так? Сказал тебе, что все закрыто, но ты можешь прокатиться на большом колесе?

— Да, сэр.

— Поездка на колесе означает, что ты ему подходишь. Он любит, чтобы избранные увидели парк сверху. Согласен поработать здесь?

— Думаю, да.

Он протянул руку:

— Я Лейн Харди. Добро пожаловать на борт, малыш.

Я пожал его руку:

— Девин Джонс.

— Рад с тобой познакомиться.

Он двинулся по пандусу к медленно вращавшемуся колесу, схватился за длинный рычаг, чем-то напоминавший рукоятку переключения скоростей, дернул за него. Колесо неспешно остановилось, одна из ярко раскрашенных кабинок (каждую украшало изображение Хоуи — Счастливого пса) закачалась около платформы, с которой пассажиры садились на аттракцион.

— Залезай в кабинку, Джонси. Я собираюсь отправить тебя туда, где воздух разрежен, а вид безмятежен.

Я забрался в кабинку и закрыл дверцу. Лейн подергал ее, чтобы убедиться, что защелка держится крепко, опустил поручень безопасности, вернулся к примитивному рычагу управления.

— Готовы к взлету, кэп?

— Полагаю, что да.

— Развлечение ждет! — Он подмигнул мне и двинул рычаг. Колесо начало вращаться, и вот Лейн уже смотрел на меня снизу вверх. Как и пожилая дама у гадального павильона. Она изогнула шею и прикрыла ладонью глаза. Я помахал ей рукой. Ответа не дождался.

Потом выше меня остались только изогнутые рельсы «Шаровой молнии». Я поднимался в холодный воздух ранней весны, чувствуя — как ни глупо это звучит, — что все мои заботы и тревоги остаются внизу.

«Страна радости» не была тематическим парком, а потому могла позволить себе иметь всего понемножку. И вторые американские горки, прозванные «Неистовым трясунном», и комплекс водных горок — «Бултых капитана Немо». У западной границы парка находилась специальная зона для самых маленьких, городок Качай-Болтай. В концерт-холле, как я узнал позже, выступали не слишком известные кантри-группы и рокеры, блиставшие в пятидесятых — шестидесятых годах. Я помню, как однажды у нас давали совместный концерт Джонни Отис и Биг Джо Тернер. Мне пришлось спросить, кто это, у Бренды Рафферти, главного бухгалтера, которая по совместительству приглядывала за Голливудскими девушками. Она решила, что я дремучий деревенщина, а я — что она старуха. Вероятно, мы оба были правы.

Лейн Харди поднял меня на самый верх и остановил колесо. Я сидел в покачивавшейся кабинке, схватившись за поручень безопасности, и оглядывал дивный новый мир. На западе уходила вдаль равнина Северной Каролины, невероятно зеленая для глаз уроженца Новой Англии, привыкшего, что март — холодное и слякотное преддверие настоящей весны. На востоке густо-синий, отливающий металлическим блеском океан обрывался пульсирующей белой полосой на берегу, по которому несколько месяцев спустя мне предстояло носить свое разбитое сердце сначала из города к парку развлечений, а потом обратно. Внизу радовал глаз вид «Страны радости»: большие аттракционы и маленькие, концерт-холл

и павильоны, магазины сувениров и автобус Счастливого пса, который отвозил посетителей парка к ближайшим отелям и, естественно, к пляжу. На севере находился Хэвенс-Бэй. С самой высокой точки парка развлечений (где воздух разрежен, а вид безмятежен) городок напоминал любовно расставленные детские кубики, над которыми поднимались четыре церковных шпиля, по всем сторонам света.

Колесо вновь пришло в движение. Я спускался вниз, чувствуя себя ребенком из рассказа Редьярда Киплинга, который катался на хоботе слона. Лейн Харди остановил аттракцион, но открывать для меня дверцу кабинки не стал: в конце концов, я уже был почти сотрудником.

— Как тебе?

— Круто, — ответил я.

— Да, для пенсионеров самое то. — Он поправил котелок, перекосив его в другую сторону, оценивающе оглядел меня. — Какой у тебя рост? Шесть футов и три дюйма?

— Четыре.

— Ну-ну. Посмотрим, как твои шесть футов с четырьмя дюймами будут крутиться на Колесе в середине июля, в шкуре, распевая «С днем рождения» перед каким-нибудь избалованным засранцем с сахарной ватой в одной руке и тающим мороженым в другой.

— В шкуре?

Но он уже направлялся к ящику с инструментами и не потрудился ответить. Может, не услышал меня, потому что его радиоприемник ревел «Крокодиловый рок». А может, хотел, чтобы все, что меня ожидало в стае Счастливых псов «Страны радости», стало сюрпризом.